

ЗАБЫТЫЙ ДРУГ?

ЧИТАТЕЛЬ, вероятно, удивится, узнав, что это чувство я испытал, увидев на прилавках книгу Михаила Громова «Чехов».

Ну, радость — оно понятно: во-первых, от новой встречи с таким дорогим множеству из нас писателем, как Антон Павлович, а во-вторых, оттого, что книга эта — очередной выпуск популярной серии «Жизнь замечательных людей» в пору, когда многие подобные традиционные издания, как говорится, дышат на ладан, или вообще приказали долго жить.

Но почему же — грустная?

Да хотя бы потому, что не дождался ее выхода автор. А кроме того, и по той причине, что принадлежал он к той породе тружеников, чей вклад в науку, в культуру, ни при жизни, ни даже впоследствии не оценен должным образом.

Вспоминаю, как один из таких людей, покойный писатель Ефим Дорош рассказывал: пришел он в известное издательство, познакомился с заведующим редакцией, тот наговорил ему комплиментов по поводу его прекрасной книги «Деревенский дневник», но месяц спустя не узнал, и в свое оправдание воскликнул: «Так что ж вы входите такой незначительной походкой?!»

Увы, деятели, в совершенстве освоившие походку значительную, не пе-

Грустная радость

реводятся и успешно оттесняют «неавантжно» выглядящих коллег. Так и фамилия Громова как-то не фигурировала в перечнях «маститых» чеховедов (прости, Господи, за выражение!), хотя и «стаж» его работы в этой области, и список трудов, и сам их характер, казалось бы, позволяли успешно конкурировать с самыми известными авторами. За свое многолетнее, влюбленное, истовое служение любимому писателю он не вкусил ни громких триумфов, не попадал под спящие юпитеры кино и телесъемок, словно исполняя давний чеховский совет молодой актрисе: «Ваше дело работать исподволь, изо дня в день, втихомолочку... а вызовы пусть считают другие».

«Книга о Чехове», выпущенная издательством «Современник» еще при жизни автора, и нынешняя, в серии «ЖЗЛ», — итог этой работы «втихомолочку». Написанные подлинным специалистом в своей области, они обращены отнюдь не только к специалистам и начисто лишены «осанистой мундирности» (если вспомнить выражение самого Громова) соответствующего языка «для посвященных».

«Незаметно, страница за страницей, проходит детство Егорушки, и потому-то она и трогает нас, эта повесть, что так же прошло когда-то шаг за шагом и наше с вами детство, читатель», — так, едва ли не в том же лирическом ключе, как и сама чеховская «Степь», пишет исследователь, и эта простота и доступность повествования

отнюдь не мешает ему вдаваться в довольно сложные, специфически литературоведческие материи и увлекать читателя рассказом о них.

Так, кому — напомнив, а кому — впервые сообщив, что «репортажный» рисунок в тогдашнем журнале, запечатлевший знаменитую речь Достоевского о Пушкине, сделан не кем иным как братом Антона Павловича Николаем, Громов не только размышляет о том, что вряд ли и сам, только еще начинавший тогда свое вхождение в литературу молодой писатель, остался равнодушным к этому событию, но пишет о «яростных ответах Достоевского» в ранней чеховской пьесе и о других следах внимательнейшего чтения великого предтечи, ощутимых произведениях «младшего богатыря» русской литературы «в форме прямых или скрытых цитат, упоминаний и пародий».

Вообще Чехов предстает у Громова в своих многообразных и сложных связях со всей отечественной культурой. Не говоря уж о сравнительно близком по времени «соседстве» с Пушкиным и Гоголем, исследователь убеждает нас, что в той же «Степи», «в ее поэтической глубине различные жанровые руины древних повестей и сказаний».

И разве не закономерно вписывается и в историю нашей общественной мысли, и, в частности, в историю складывания русской интеллигенции, не роднит Чехова с самыми выдающимися предками и потомками, от Радищева до Толстого и Блока, свойственная ему, по определению Громова, «гипербола совести, принимающей на себя не только грехи отцов, но всю непомерную тяжесть исторической ответственности и вековой боли»?

И как своевременно напоминает о необходимости соблюдать свое достоинство в наши дни, когда, увы, вновь вошло в обычай чуть ли не лебезить перед «коронованными особами», «их императорскими величествами» и «высочествами», «дерзкое» поведение обычно столь вежливого Антона Павловича, не торопившегося «припадать к августейшим стопам»: «Что касается великой княгини, — писал он жене, — то передай ей, что быть у нее я не могу и никогда она меня не увидит».

Читать такую книгу радостно. И в то же время грустно, что не выскажешь уже автору ни этой радости, ни благодарности.

Андрей ТУРКОВ.

Журан и сохана - 1993-16-

23 окт (№№ 33 — 34) (189 — 190), 16